

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

В МОСКВЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус В Москве

Аннотация

«На одной из самых мирных улиц, недалеко от Пречистенского бульвара, стоял серый домик с мезонином. Церковь Николы на Огородах была как раз напротив, рядом с посудной лавкой, и потому не оставалось никакого сомнения, что обитатели серого домика – именно этого прихода...»

Содержание

I	4
II	9
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

В Москве

I

На одной из самых мирных улиц, недалеко от Пречистенского бульвара, стоял серый домик с мезонином. Церковь Николы на Огородах была как раз напротив, рядом с посудной лавкой, и потому не оставалось никакого сомнения, что обитатели серого домика – именно этого прихода.

На праздниках отец Михаил, отправляясь к своим прихожанам с дьяконом, дьячком, двумя сторожами и просвирней – всегда начинал свой обход с серого домика. Иногда – в Крещение со святой водой, или на Пасху с крестом – туда ходил даже сам отец Иринарх, «поздний» батюшка храма Николы на Огородах; а отец Иринарх редко кому оказывал подобное внимание: верно, жильцы домика умели ценить его и говели каждый год.

Завтра Варварин день, именины старшей дочери Евстафия Петровича Ступицына, и в квартире идут некоторые приготовления. Аксюша еще днем обмела стены в зале и выхлопала ковер перед диваном; теперь она ставит опару к завтрашнему пирогу и уж два раза приходила звать барышню Катерину Ивановну вниз, на кухню.

Катя, с растрепанными волосами, в ситцевой кофте, хлопчет изо всех сил. Варя разливает в зале вечерний чай и в промежутках торопливо приметывает чистое кружево к воротнику нового клетчатого платья.

Евстафий Петрович сегодня в духе, потому что рано ворочился из суда и успел хорошо выспаться перед чаем. Он в сером халате, с папиросой в длинном мундштуке; лицо его делается все довольнее: пасьянс «картинная галерея» сошелся у него два раза подряд.

– Папаша, – сказала Варя, миленькая девушка с добрым лицом, – а Миролюбовы завтра на пироге будут, или вечером? Ты как им говорил?

– Обещали вечером приехать. На пирог, говорят, нельзя. А ты что же, Варичка, цветы не помыла? Самой некогда, так Катю попросила бы. Да узнать надо у жильцов в мезонине, дадут они стулья на завтра?

– Дадут, папаша; Аксинья бегала после обеда. А цветы я помою.

Продолговатая, довольно большая комната освещалась только лампой на маленьком чайном столе около стены; да с улицы, прямо в низкие, замершие окна светил фонарь; пламя его дрожало и колебалось от ветра.

В одном углу зала принимала вид гостиной: диван в белом чехле с двумя вышитыми подушками, несколько кресел кругом, стол, на столе незажженная фарфоровая лампа и много альбомов. У противоположной стены стоял рояль.

Над роялью висела премия Нивы в черной рамке – «Дорогой гость», а над диваном – зеркало; но оно было так высоко, что никто никогда в него не смотрелся. Цветы у окон хотя были хорошие и настоящие – казались не живыми: уж слишком правильно их расставили: маленькие к маленьким, большие к большим.

Мороз в двадцать шесть градусов давал себя чувствовать и здесь: особенно дуло с полу; Евстафий Петрович сидел в калошах, а Варя в теплых сапогах.

Наконец явилась и Катя из кухни.

– Вот устала! И чуть не забыла один конец велеть с вязигой. Тетя Маша любит с вязигой. Налей мне чайку, Варя! А где же Алевтина?

– Она в спальней, – сказала Варя. – Папаша новые журналы принес; читает. Тина! Чай пить!

– Сейчас! – отозвалась Тина, младшая сестра Вари, и вышла в залу.

Катя приходилась троюродной племянницей Евстафшо Петровичу. Один раз, когда Варя и Тина только что встали и собирались пить кофе, а папаша ушел на службу – в передней позвонили. Барышни удивились: кто бы мог так рано?

Вошла полная, черноглазая девушка с узелком – и поклонилась.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Вы – Варичка и Тиночка? А я – Катя. Антонины Сидо-

ровны дочь. Из Арзамаса.

Услыхав, что она из Арзамаса, Варя и Тина сейчас же вскочили и расцеловались с сестрой; хоть и дальняя, а все ж своя, не чужая.

Катя и осталась у них «гостить» года на два. Спала в зале на диване и помогала Варе по хозяйству.

Обе сестры видели Катю в первый раз; но каждое Рождество и каждую Пасху Варя выбирала что-нибудь из старья и посылала в Калугу, во Владимир, в Арзамас – родным; причем папаша всегда приказывал в Арзамас больше посылать.

– Там беднее! – говорил и прибавлял: – Вот это Кате, это Володе, это Паше, это Лидя сносит...

Последний раз немного набралось: прошлогодние шляпки соломенные, теплая юбка да старая папашина жилетка. Все молча допили чай. Катя стала перемывать посуду.

– А что, Люба со студентами своими придет? – сказал наконец Евстафий Петрович, собирая карты. – Ты их звала. Варя?

– Да, папаша. Они очень милые, эти студенты. Люба говорит, что у них в доме веселее стало с тех пор, как она пустила студентов. А ей с мужем довольно и трех комнат.

Люба была дочь умершей сестры Евстафия Петровича – веселая толстуха. Очень простая, она никогда не прочла ни одной книжки и была в восхищении, что муж ее недавно получил место в акцизе. К студентам она чувствовала материнскую нежность; детей у нее не было.

– Ах, Тина, – сказала Катя, – ты не видала нового Любимого жильца, Новоселова! Тоже студент, и какой красивый! Варя и его звала.

– Да, пресимпатичный, – подтвердила Варя. – Из Петербурга сюда перевелся, нынче кончает. Говорят, история там в университете у него вышла.

– Жаль, что я его не видала, – сказала Алевтина. – Ну, завтра увижу. А теперь и спать пора.

Папаша ушел к себе. Варя зевнула. Катя пошла за подушками и стала устраиваться на узеньком диване.

II

Первое время после своего случайного переселения в Москву Михаил Сергеевич Новоселов жил совсем одиноко.

Он поселился в скверных меблированных комнатах «Петергоф» напротив Манежа и бывал только на лекциях.

Он досадовал на глупую историю, из-за которой ему пришлось чуть не накануне выпускных экзаменов бросать товарищей, знакомых профессоров и ехать куда-то в Москву. И, главное, ему, такому мирному и безобидному. Разве он решился бы нагрубить профессору? Но он был хороший товарищ.

Узкие, кривые переулки с кучами рыхлого, серого снега, бесконечная Садовая со своими заборами, брань водовозов на площадях у бассейнов и низенькие дома с голубыми вывесками: «Трактир» – все это томило Новоселова; а худшее – были ворота, бесчисленные ворота! Куда ни поедешь – непременно через эти темные, сырые тоннели, да еще шапку нужно снимать на морозе.

Положительно Москва не нравилась Новоселову и он мечтал о весне, когда кончит университет и уедет в Германию. Это у него было твердо решено, хотя он и привык сомневаться в своих решениях.

Со здешними студентами он избегал сходитья; но это сделалось как-то само собой – и скоро, вместо номера в «Пе-

тергофе», он очутился на квартире у Любовь Ильинишны и стал знакомиться с московскими людьми.

Все студенты жили здесь не как квартиранты, а как свои, ходили в гости туда, куда ходила Любовь Ильинишна с мужем, и недолго спустя Новоселов узнал и дядю Андрея Лукича, и дядю Модеста Васильевича, сестру Анну Ильинишну с мужем и детьми, теток Софью и Марью Петровну, причем последняя была главной и старшей теткой; ее слушал даже Евстафий Петрович.

Новоселова сначала заинтересовало это море тетушек, их дела, разговоры и мнения; но мало-помалу все это начало его мучить; даже не скуку он испытывал, а какое-то утомление, тоску. Однако, боясь обидеть людей и добросовестно стараясь и тут найти что-нибудь интересное и хорошее, он никогда не отказывался идти на пирог или на вечер.

Варю Новоселов видел мельком и она ему понравилась. Он сообщил это Любе, которая почему-то ужасно обрадовалась и стала хвалить Варю.

– А другая сестра? Вы говоили, что их две, – спросил Новоселов.

– Алевтина? Та – умница, профессор; она у нас самая умная из барышень. Ее в гимназии учитель звездочкой называл, «светлым умом». Даром что без матери выросла.

– А хорошенькая, как Варвара Евстафьевна?

– Она и без красоты красива. Варя – это хозяйка, золотые руки, а та – поднимай выше... Да вот сами увидите, завтра

на именины поедем, у них дом свой у Николы в Огородах.
Славный домик. Еще дядя Евстафий Петрович в нем родился.

III

«Посмотрю, что за Алевтина такая», – думал Новоселов, входя в темную переднюю дома Ступициных.

В зале был накрыт длинный стол, от самого рояля чуть не до дивана. За столом сидели гости.

Сначала, конечно, тетя Марья Петровна, с коричневым бантом на гладких, поседевших волосах и торжественным и строгим выражением лица: видно было, что она относится серьезно к исполнению именинного обряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.